М.В. ЛОМОНОСОВ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

В.К. Новик

Но как история должна быть зерцалом истины, то представляемыя в ней слабости и заблуждения человеческия да обратятся в похвалу исправленным, и да будут во исправление не наказанным[1]

Вступление

Большая часть населения России сейчас имеет весьма неясные представления о деяниях, возвеличивших М.В. Ломоносова. Стремительно и неуклонно сокращается круг людей, интересующихся XVIII в., и буквально по пальцам можно пересчитать ученых, которые более или менее детально знакомы с историей Академии Наук в XVIII в.

В статье сделана попытка, отталкиваясь от мнений современников, высказанных о Ломоносове непосредственно до и после его кончины, проследить эволюцию отношения к этой личности вплоть до нынешнего времени. Изложение следует точно установленным фактам, преследуя цель представить реальное развитие событий, показать, почему же Ломоносов стал Великим в глазах русского народа и доказать, что это величие неистребимо, оно прошло через века, в века и уйдет.

Бюст М.В. Ломоносова.
Скултьптор Ф.И. Шубин, 1792 г.

Наследие Ломоносова огромно и разносторонне. Отдельные грани наследия (наука, поэтика, стилистика, труды по истории) неоднократно были предметом резкого, порою с полярными оценками, критического анализа. В чем же он бесспорно велик? *В том, что сумел переломить русское национальное самосознание с векового чувства собственной неполноценности к обоснованной гордости великого народа.*

Значимость этого подвига непреходяща в веках, частности остаются не более чем штрихами биографии.

Кончина и мнения современников

В понедельник, четвертого (старого стиля) апреля 1765 г., на третий день «святыя недели» Пасхи, в пять часов пополудни, в Санкт-Петербурге, в собственном доме скончался статский советник, один из первоприсутствующих Канцелярии Академии наук, профессор Академии по классу химии Михаил Васильевич Ломоносов. Причиной этого печального события было заболевание легких, «чахотка» или «...новый, обостренный простудой, приступ его прежней болезни»[2]. За два дня до кончины он причащался, а при соборовании, когда он в полном здравом рассудке прощался со своей супругой, дочерью и остальными домочадцами, священник Воскресенской церкви Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса Андрей Бордяковский принял его последний вздох. По его кончине, как писала дочь, в доме не оказалось средств для достойных похорон. Тогда же граф Г.Г. Орлов по Высочайшему соизволе-

[1] *Богданович И.Ф.* Историческое изображение России. Ч. 5. М., 1810.

[2] Переписка И.К. Тауберта с Г.Ф. Миллером // ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 284. Л. 16 – 16об.

нию Государыни приказал наложить свои печати в его (Ломоносова) доме, поскольку там, безусловно, имелись документы, которым не дозволено быть в чужих руках. Обычно опечатывался кабинет и книжные шкафы. Позднее, сторговавшись в цене, граф купил библиотеку, рукописи и научные инструменты покойного[3], а через несколько месяцев бумаги были разобраны Г.В. Козицким, и часть из них была помещена в доме Орлова «в особом покое».

Восьмого апреля, утром, тело Ломоносова было погребено «с богатою церемониею... Императорским иждивением»[4] (Императрица выделила на похороны значительную сумму), на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре при великом скоплении людей. Во время великолепных похорон отпевание вели Архиепископы Петербургский и Новгородский в присутствии другого знатного духовенства. С покойным сочли необходимым прийти проститься «господа сенат», множество знатных особ и, конечно, профессора и служащие Академии наук. Печаль и горесть невиданного стечения «всех любителей словесных наук» были искренни и неподдельны.

Газеты «СПБ-ия ведомости» и «Московския ведомости» не сочли эту новость достойной извещения граждан, отмолчались издания Московского Университета, и весть получила распространение лишь благодаря частной переписке.

Профессора Академии отнеслись к событию сдержано, без скорби, а некоторые с облегчением. Они по должности и традиции проводили усопшего в последний путь и были удивлены таким выражением чувств людей, пришедших простится с покойным на панихиду и погребальный обряд.

Академию более волновали грядущие события, в частности неопределенность в будущем в связи с отъездом за границу Президента Академии графа Разумовского. Лишь 11 апреля, другой первоприсутствующий Канцелярии И.К. Тауберт запоздало, «репортом», официально известил Сенат о случившемся с главой академической науки:

«Бывшей в Канцелярии Академии Наук в присудствии Статской Советник и Профессор Михайло Васильев сын Ломоносов по продолжавшейся чрез некоторое время болезни сего Апреля 4г[о] числа волею Б[о]жиею умре. О чем Правительствующему Сенату доносится сим за известие»[5]. Эти строки подвели черту под целой эпохой бытия Академии.

На собрании 18 апреля[6] профессора вернулись к печальному событию, записав третьим пунктом в протокол: «По общему мнению академиков похвальное слово о Ломоносове, а также и других ранее скончавшихся академиках, должно написать и в Комментарии поместить», не высказав желания выделить его среди прочих, что полно отражало в должных словах мнение сослуживцев о покойном. Эта академическая «элогия» увидела свет только через 18 лет при совершенно изменившихся обстоятельствах.

Проявления этих двух отношений к памяти покойного мы должны дополнить и третьим – реакцией Императрицы и ее ближайшего окружения. Личность Ломоносова в ее узком кругу поминалась, главным образом, применительно к делам Академии наук, непрерывно докучавшей власть имущим своими неурядицами и склоками. Мнение Императрицы об Академии было откровенно отрицательным. Ко всем назревшим проблемам Империи это маленькое скандальное учреждение (см. ниже раздел «Мнение профессоров Академии Наук») добавляло еще забот о его реорганизации. Отголоски мнения ближнего круга Императрицы были высказаны устами 11-летнего подростка, наследника престола Великого князя Павла Петровича. Услышав о смерти Ломоносова в день его кончины, он отозвался: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал»[7]. В памяти еще были свежи траты на мозаику «Полтавской баталии». Высказанное, конечно, не являлось его собственным мнением, оно лишь отражало общие

[3] [Новиков Н.И.] Опыт историческаго словаря о российских писателях / из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

[4] Там же. С. 123.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Кн. 5500. Л. 11.

[6] Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук с 1725 до 1803 года: 1744–1770. Т. II. СПб., 1899. С. 536.

[7] *Порошин С.А.* Семена Порошина записки, служащия к истории Его Императорскаго Высочества благовернаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 301.

суждения воспитателя цесаревича, канцлера Н.И. Панина, которые, будучи произнесены, никак не могли противоречить взглядам Императрицы. Присутствуя за столом с особами, «которых и в мыслях тронуть боязно», наследник впитывал их отношения к конкретным лицам. Дневник Порошина полон колкостей, отпущенных этими особами в адрес Академии. За внешними реверансами в адрес усопшего никто не забыл покровительства ему первых при дворе Елизаветы лиц, и его тесной связи с кланом Шуваловых, давних и злейших врагов бывшей Великой княгини.

Рассмотрим детальнее, какие мысли и чувства стояли за этими мнениями, как они изменялись во времени и по каким причинам.

Мнение просвещенного слоя и духовенства

Сколь широко было известно поэтическое творчество Ломоносова при его жизни? Оценим категории и численность *читающей* публики в середине XVIII в. К ней следует отнести сановное и знатное дворянство, служилое, чиновничье и помещичье дворянство, гражданское чиновничество, купечество и мещанство, духовных лиц, ничтожный слой преподавателей и ученых. Имеющиеся данные позволяют оценить относительную численность этой категории. По статистическим данным, перед реформами Александра II в России было только 6% грамотных[8]. Такой уровень был достигнут через 70 лет после создания Екатериной II государственной системы народного просвещения. Обратившись к временам Петра I, мы узнаем, что его «господа сенат» имели в своем составе двух неграмотных. Это – легендарный светлейший князь А.Д. Меншиков[9]– первый из русских, принятый в Лондонское Королевское научное общество – и князь М.В. Долгоруков[10]. Применительно к крестьянству, напомним о сладостных мечтаниях И.Т. Посошкова иметь на целое село хотя бы одного грамотного[11]. Линейная интерполяция от Александра II к Петровским временам, позволяет оптимистично считать относительную численность элементарно грамотных как ≈ 2% населения, т.е. ≈ 400 т. человек при общей численности ≈ 20 млн человек. Не более чем каждый двадцатый из них интересовался поэзией (апогей в СССР), иными словами, с учетом общего развития и собственных пристрастий, читателей стихов, од и псалмов Ломоносова насчитывалось около 10 тысяч человек. Они же включали немногочисленных знакомых с его естественнонаучными трудами. Данные о тиражах изданий его трудов уверенно коррелируют с этой цифрой[12].

Вот эти-то 10 тысяч верноподданных короны, из сановного, знатного и служилого дворянства, сосредоточенные, в основном, в обеих столицах и были теми, о ком написано: «...Россиянин отдыхал за творениями Ломоносова, котораго лира гремела и пленяла тогда Россиян, еще не строгих судей в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее» (И.Ф. Богданович, 1743–1803). Таково свидетельство современника. А благодарный потомок через сто лет мог с полным правом утверждать: «Главная заслуга Ломоносова и писателей, следовавших за ним...состояла в том, что они своими произведениями возбуждали охоту к чтению и мало-помалу увеличивали число людей, интересующихся литературою... Трудами этих людей образовалась в России "публика", то есть некоторая часть русского народа получила привычку находить в чтении наслаждение, без которого уже не могла обходиться»[13].

Почему же творения и личность Ломоносова стали привлекательны для читающей публики? Он был СВОЙ. Он был СВОЙ и близкий во всем, в происхождении, в привычках, манерах, традициях и обычаях, понятный в языке, понятный в вере, понятный в буйстве с рукоприкладством, понятный в общей привычке «Веселие Руси есть питии». Страсть оказалась губительной.

Он был образцом личных качеств русского мужика, даже физических, примером личного творческого успеха. Свободный помор, недюжих талантов бросает родной дом и сам ломает

[8] *Ларионова Т.С.* Немецкие издатели в России (XVIII – начало XX вв.) // Немцы в России: три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 370.

[9] *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1989. С. 16–18.

[10] Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 279.

[11] Цит. по: *Плеханов Г.В.* Соч.: в 24 т. Т. 21. М.; Л., 1925. С. 140.

[12] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Т. II: К–П. М., 1964. С. 162–177.

[13] *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч: в 15 т. Т. 3. М., 1947. С. 314.

предначертанный ему путь, отказываясь от привычной купеческой, духовной или военной стези и выбирая никому не понятную науку. Крестьянской среде была чужда сама мысль о познании окружающего мира: «Господь дал...». И редкостное, стихийное стремление мужицкого сына стало для России знамением, знамением независимого отклика низов на чаяния Великого Петра о возникновении собственной русской научной поросли.

Масштабом своей личности Ломоносов создает небывалый прецедент, доказав, что русским есть место в науке. И все знали, что именно он возглавляет науку в Академии. Чтобы представить непреходящую ценность такого события, нужно уйти в XVIII в. и понять, что достойных примеров пребывания русских в науке просто не было, и никто не мог утверждать, что они там вообще могут быть.

В деяниях его было нечто, что интуитивно, самостоятельно, по доброй воле востребовано просвещенным людом, и это нечто могло быть найдено только у него и ни у кого другого. Он дал старт непрерывному осовремениванию русского языка, чтобы «слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен»[14]. Талантом и устами Ломоносова наука, в ее разнообразных отраслях, впервые и свободно заговорила по-русски. Осовремененный им русский язык позволил молодому поколению войти в науку. Наука не может обойтись без языка соответствующего времени и включающего необходимую иностранную терминологию. Это обновление позволило ввести в науку русские названия, термины, дефиниции, определения в непрерывно возникающих новых понятиях науки. Пример тому «Вольфианская физика», переведенная им[15].

Через сто лет было образно сказано: «У кого достало <бы> творческой силы оббить и сделать восприимчивым такой грубый и неподатливый материал, какой представлял из себя Русский <книжный> язык во время Ломоносова...»[16]. Ломоносов к радости своей открыл, что русский разговорный язык, которым общались, шутили и бранились его окружающие, обладает всем тем богатством, которое необходимо для свободного выражения самых сложных мыслей. И он имел отвагу начать писать этой разговорной речью. И читатель был поражен красотами и гибкостью того самого языка, которым он повседневно пользовался в быту.

Невозможно переоценить важнейшую роль выразительной силы языка Ломоносова. Известно, что «Слова в России – больше, чем слова» (Н.В. Карлов), что «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести» (В.С. Шефнер). И мощное оружие СЛОВА было использовало для возвеличивания России.

Призыв, обращенный к чувствам русского народа, должен был помочь освободиться от векового сознания собственной неполноценности, собственного бессилия, собственной ущербности перед этими «немцами». Это в Москве, на Кукуе, они жили на Яузе, за стеной. Здесь же в Питере вот они, перед глазами. Они и умнее, и развитие в быту, в костюмах, в обычаях, привычках, нравах и трудовых навыках, они прилежно несут в страну науку, несут в страну промышленность, несут военное искусство и вооружение. Но они – ПРИШЛЫЕ, ЧУЖИЕ, со своими опрятными домиками и «тощими немецкими душами». И Ломоносов непрерывно обращается (опустим цитаты!) к национальной гордости россиян: и язык наш лучше всех, и история богаче всех, и Сибирь, что мы насквозь прошли, в Америку уперлись, самая богатая, и вера самая правильная и чистая, и военные победы наши неисчислимы. Нам ли сомневаться, что и в науке россияне возобладают. Этих слов ждали, и они были восприняты названным тончайшим, но влиятельным, слоем просвещенного населения.

Ломоносов стал долгожданным живым прообразом легенды, и прообраз был с готовностью принят и вознесен на пьедестал. Искренна и выразительна строфа, принадлежащая перу Н.Н. Поповс-

[14] *Новиков Н.И.* Опыт историческаго словаря... С. 127.

[15] См.: *Вольф Христиан.* Вольфианская Експериментальная физика с немецкаго подлинника на латинском языке сокращенная. С котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов Имп. Академии наук член и химии профессор. СПб., при Имп. Акад. наук. 1746; *Вольф Христиан.* Вольфианская Експериментальная физика с немецкаго подлинника на латинском языке сокращенная, с котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов 2-м тиснением с прибавлениями. СПб., 1760.

[16] *Аксаков И.С.* // [Газета] День. 1865. № 21. С. 491–494.

кого, размещенная под портретом Ломоносова в собрании его сочинений[17]:

Московской здесь Парнас изобразил Витию,
Что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Виргилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл натуры храм богатым словом Россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Почитатели таланта Ломоносова не имели возможности ознакомиться с его биографией, она была опубликована позже. Лишь малая часть из них знала о его мозаичных картинах, еще меньшая – понимала суть его научных работ. Для большинства он был известен только как поэт-патриот, что и нашло отражение в посмертных откликах.

На кончину Ломоносова откликнулись эпитафиями весьма многие лица, далеко отстоящие на общественной лестнице. Среди них были и профессиональные поэты А.П. Сумароков и И.Ф. Богданович[18], и граф Андрей Шувалов[19], будущий соавтор «Антидота», певчий придворной капеллы И.К. Голеневский и скромный учитель английского языка Сухопутного Кадетского Корпуса Л.И. Сичкарев (1741–1809)[20], оплативший издание из своих скудных средств.

Авторы эпитафий не скупились и не стеснялись в сравнениях – под их пером Ломоносов становился русским Орфеем[21], Гомером, Пиндаром и Мальгербом[22], Вергилием и Цицероном, Невтоном (Ньютоном) и Архимедом.

Преклонение мыслящей России сопровождалось пониманием государственной важности таких личностей и, соответственно, значимости их примера. Несколько цитат из личных бесед Порошина[23]: «...Между тем разговорились мы о г. Ломоносове и о г. Сумарокове, и потом вообще о людях ученых. Говорил я Его Высочеству, как принимать их, и какое почтение отдавать им должно, для ободрения наук и покровительства...вить эдакие люди не растут как грибки из земли; надобно для того хорошия учреждения, ободрение и покровительство. А голов годных много в России, хотя такие головы, какова Ломоносова, и реденьки несколько... Вы Великой Князь Российской. Надобно вам быть и покровителем Муз российских. Какое для молодых учащихся Россиян будет ободрение, когда они приметят или услышат, что уже человек таких великих дарований, как Ломоносов пренебрегается? Чего им тогда ожидать останется, из которых природа, конечно, не многих Ломоносовыми сделала...». Павел запомнил слова своего наставника (см. здесь, журнал № 2, раздел «Образ национального героя, поэта-патриота»), что делает ему честь. Но для Порошина требовалась не только убежденность в собственной правоте, но и определенная смелость для подобных высказываний о личности, малопривлекательной для Императрицы.

Выше было представлено трепетное мнение мирской части просвещенного общества. А что же высказывали о Ломоносове лица духовные, составлявшие преобладающую часть этого общества?

Церковь по праву могла считать его своим воспитанником и гордиться им, затмившим Феофана Прокоповича. Он вышел из ее недр и, несмотря на некоторую фронду и молодечество («Гимн бороде»), стоял на защите Веры всем своим авторитетом. Напомним, что этот «Гимн» был заклеймен аж высшим церковным органом – Священным Синодом в докладе на имя Государыни Елизаветы Пет-

[17] *Ломоносов М.В.* Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежскаго советника и профессора Михайла Ломоносова. Кн. 1, 2-е издание с прибавл. (подпись под портретом).

[18] *Порошин С.А.* Семена Порошина записки... С. 310.

[19] *Тихонравов Н.С.* Материалы для истории русской словесности. Для биографии Ломоносова // Москвитянин.1853. № 3. Отдел IV. С. 8.

[20] [*Сичкарев Л.И.*] Надгробная песнь в бозе почившему ученому российскому мужу Михайле Васильевичу Ломоносову / От усерднейшаго имени его почитателя Луки Сичкарева: 1765 году апреля 15 дня. СПб.,1765.

[21] Такое восприятие образа сохранил для потомков скульптор И.П. Мартос (1754–1835). Памятник в Архангельске (1832 г.) представляет Ломоносова в бронзе подобно певцу Эллады, в тоге, с лирой в руках.

[22] *Пиндар* (Pindaros, лат. Pindarus, 518–446 д.н.э) – величайший лирический поэт древней Греции. Воплотил свое видение мира в величественных одах; Франсуа де Мальгерб (Malherbe François de, 1555–1628) французский поэт при дворе Генриха IV. Приобрел известность одой королеве Марии Медичи. Превосходный мастер-стилист сочетания слогов.

[23] *Порошин С.А.* Семена Порошина записки... С. 180, 189, 190, 192.

ровны от 6-го марта 1757 г. с требованием, дабы «таковыя соблазнительныя и ругательныя пашквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить, запретить и означеннаго Ломоносова, для надлежащаго в том увещания и исправления, в Синод отослать, Всемилостивейши указать соизволили»[24].

Но в том же году выходит «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе ... Михайла Ломоносова», открывающееся предисловием «О пользе книг церковных в российском языке» с беспрекословным утверждением[25]: «..Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российская славословием Божиим на Славенском языке украшаться будет». Стоит ли обсуждать, на чьей стороне используется это имя в многовековом вопросе о переводе церковных служб на русский язык? Великолепным Ломоносовским слогом были написаны «преложения» семи псалмов, ода на темы ряда глав из Иова[26], и все это размещено на первых страницах прижизненного издания. Сочинения весьма активно востребовались высокопоставленной читающей публикой как духовной, так и светской[27]. Не сомневаясь в существовании Творца и будучи твердым в Вере, Ломоносов, полагая наличие атмосферы на Венере, считал нужным высказаться о верования возможных на ней живых существ[28]. Не будем комментировать, согласимся с неординарностью мысли.

Церковь достойно воздала памяти своего питомца не только частными речениями[29], но и небывалой для худородного частного лица процедурой погребения. И неслучайно в дни 200-летнего юбилея Ломоносова в стенах Московского университета прозвучало: «И сама Церковь присоединяется к общему торжеству своим молитвенным воспоминанием о приснопамятном юбиляре как об одном из славных питомцев своей школы, двигателе духовнаго просвещения и незабвенном певце Величия Божия. Да будет же благословенною память о нем из рода в род!»[30].

И духовенство, и высокопоставленные вельможи считали необходимым связать свое имя с прославленным именем почившего. Поймем правильно человеческие слабости. Покровитель покойного, граф М.И. Воронцов позднее поставил на могиле обелиск из каррарского мрамора с надписью на латинском и русском языках: «В память/ славном мужу/ Михайлу Ломоносову,/ родившемуся в Колмогорах в 1711/ бывшему Статскому Советнику/ С: Петербургской Академии Наук,/ профессору/ Стокгольмской и Болонской/ члену/ разумом и науками превосходному/знатным украшением отечеству/ послужившему/ Краснореч ия Стихотворства/ и Гистории Российской/ учителю/ Муссии *<мозаичного художества В.Н.>* первому в Рос.*<сии>* без руководства изобретателю/прежде временною смертию/ от муз и Отечества/на днях святыя Пасхи 1765 года/ похищенному/воздвиг сию гробницу/ ГРАФ М: ВОРОНЦОВ/ славя Отечество с таковым /гражданином и горестно соболезнуя/о его кончине»[31]. Фамилия графа была выбита буквами много большей величины, чем фамилия Ломоносова.

Итак, Ломоносов по праву стал кумиром весьма тонкого слоя читающей публики. Время государс - твенного внимания к образу придет позже. Когда и при каких обстоятельствах это произойдет?

Мнение профессоров Академии Наук

Автор с нелегким сердцем приступает к изложению причин откровенно выраженной холодности профессоров Академии к кончине Ломоносова. Он был им известен в совершенно иной ипостаси.

---

[24] *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская Академия Наук. С. 25.

[25] *Ломоносов М.В.* Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежскаго советника и профессора Михайла Ломоносова. С. 8.

[26] Там же. С. 5–36.

[27] *Порошин С.А.* Семена Порошина записки... С. 91, 222.

[28] См.: *Ломоносов М.В.* Полное Собрание СОЧИНЕНІЙ Михайла Васильевича ЛОМОНОСОВА, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Ч. III. СПб., 1784; Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Императорской Академии Наук майя 26 дня 1761 года. С. 243.

[29] *Порошин С.А.* Семена Порошина записки... С. 301.

[30] *Боголюбский Н.* Речь в храме Имп. Моск. Университета // Празднование двухсотлетней годовщины рождения М.В. Ломоносова Императорским Московским Университетом. М., 1912. С. 3.

[31] *Ломоносов М.В.* Полное Собрание СОЧИНЕНІЙ Михайла Васильевича ЛОМОНОСОВА. С. XVIII.

Этот раздел может и должен служить иллюстрацией общего положения о том, может ли исключительная, одаренная, с задатками гения (annonçait génie)[32] личность внести заметный вклад в естественную науку, минуя тяжелейший, чреватый неприятнейшей самооценкой, этап официального или самообразования. Вхождению человека в науку неминуемо должен предшествовать этот трудоемкий этап, т.е. стадия получения начальных знаний как ступень формирования профессионализма ученого. Не менее важен вопрос об атмосфере развития ученого, о необходимости и роли школы. Люди науки не могут добиться сколь либо существенных достижений вне связи с кругом коллег, без приобщения к их знаниям и опыту. В дополнение к личным контактам и публикациям, функции нынешних семинаров и конференций в XVIII в. выполняла «Республика писем». В биографии Ломоносова мы не можем найти ни первого, ни второго, ни третьего. Автору очень хотелось бы продолжить: «А вот в данном случае, в случае гения....», но, увы, правило это всеобщее и исключений не имеет. Такие обстоятельства и привели к драматическим событиям в последние годы его жизни, когда ему пришлось столкнуться со вторым поколением русских ученых, взращенных и его заботами, в лучших европейских научных школах.

Санкт-Петербургская Императорская Академия наук в середине XVIII в. была небольшим учреждением, общей численностью, включая Президента, академиков, писарей, типографию, мастеровых, сторожей, матросов и трубочистов, менее полутора сотен человек[33]. Среди них, собственно научный штат – «Академики и члены Собрания» – по регламенту 1747 г. предусматривал 9 должностей академиков, 9 адъюнктов, 10 почетных членов (российских и зарубежных), 5 профессоров университета и 1-го историографа. Этим же регламентом из состава Академии выделялись, но сохранялись при ней, гимназия (ректор – 1, конректор – 1, учителей – 6, учеников – 20) и университет (ректор – 1, профессора – 5, студентов – 30). В рассматриваемый период эти академические и учебные должности ни разу не были полностью замещены[34].

Академия пребывала на периферии внимания власти и во главу ее, на должность Президента, ставили персон по принципу личной преданности двору. Для большей части из них, управление наукой было делом второстепенным и малозначащим. С 1746 по 1765 г. Академией руководил граф Кирилл Григорьевич Разумовский, брат фаворита Императрицы, заступивший на этот пост 17-летним юношей. Через пять лет он уже был Гетманом Украины, Фельдмаршалом и Главой Запорожской Сечи. Естественно, что и большую часть времени он пребывал на Украине, в своей резиденции в г. Глухове.

Текущее управление Академией осуществляла Канцелярия, длительное время единовластно в лице И.Д. Шумахера (Schumacher Johann Daniel, 1690–1761), причастного к созданию Академии еще с Петровских времен. Шумахер и принял талантливого и жадного до знаний московского семинариста М. Ломоносова в первый набор академической гимназии, затем, подметив у него «отменную склонность к наукам», перевел в студенты, послал в Германию и по скандальному возвращению дал возможность занять должности адъюнкта и профессора.

Императорская Академия наук в ту пору переживала нелегкие времена. Науки были чужды стремительному калейдоскопу императриц. Ранее Академию покинула блистательная плеяда профессоров первых наборов. В 1741 г. оставил Петербург Леонард Эйлер (Euler Leonhard, 1707–1783), в Коллегию Иностранных Дел был отозван в 1742 году Христиан Гольдбах (Goldbach Christian, 1690–1764). Астроном Делиль (Delisle Joseph-Nicolas, 1688–1768), последняя персона из этой когорты, покинул Петербург несколько позже, в 1747 г.

Корыстолюбие и тщеславие Шумахера не было исключением среди разнородного чиновничества. Колоритно выделялась лишь сфера приложения этих качеств – наука. Он умело ориентировался в интригах двора и, нужно отдать ему должное, уберег Академию от уничтожения, пережив пять самодержцев. Подобная опасность вспыхивала не раз, но искушенный чиновник каждый раз умело сохранял место своего «кормления».

[32] *Chappe d'Auteroche*. Voyage en Sibirie fait par ordre du Roi en 1761. V. 1. Part 1. P., 1768. P. 210.

[33] Уставы Академии наук СССР. М., 1975. С. 57–61.

[34] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 735.

Трудами Шумахера в Академии была создана прекрасная библиотека, не уступавшая лучшим европейским по наполнению фондов типография и великолепные производственные подразделения (мастерские). Последние выполняли и сторонние оплачиваемые заказы, в том числе и Кабинета Императриц, и требования профессоров отнюдь не были для них приоритетны. Книги собственной печати продавались в своей лавке, пополняя скудные доходы Академии. Финансировалась Академия плохо и нерегулярно, сплошь и рядом профессорам задерживалась выдача жалования.

Тяжелым бременем на Академии лежала обязанность поддержания Гимназии и Университета. Прекрасная, по замыслу Петра I, триада «Гимназия – Университет – Академия» имела весьма слабые возможности для своей реализации. Принуждение же профессоров Академии к преподаванию в Гимназии и Университете вызывало у них откровенное недовольство и протест. Сам профессорский состав к середине 1740-х гг., когда Ломоносов стал профессором химии (1745 г.), как отмечалось, существенно потускнел. В Академии довлело уже поколение адъюнктов первого набора – Г.Ф. Миллер и др.

Безалаберность в организации научной работы Академии, в общем и целом устраивала этот тихий и сонный мир, который совсем не стремился к каким-либо научным дерзаниям и прорывам. Бойцовские качества академиков проявлялись только как защитная реакция.

Всесметающая энергия Ломоносова, сознание собственной исключительности, целеустремленность в карьере и поддержка покровителей обусловили как независимость его поведения в безвольной среде, так и стремительный должностной рост. В 1757 г. он становится одним из руководителей Академии (членом Канцелярии, ответственным за научную деятельность), а в начале 1758 г. Президент поручает ему курировать Гимназию и Университет. И в общественном сознании он становится **первым** соотечественником, ставшим во главе российской науки.

В условиях елизаветинского времени 50-х гг. привлечение Ломоносова к управлению Академией было наилучшим решением. Его неуемное честолюбие было направлено в созидательное русло и принесло свои плоды. Плоды не столь большие, как хотелось бы, но максимальные по существовавшим условиям того времени. И, пожалуй, наиболее действенным было то, что эта гигантская фигура вообще привлекала внимание власть имущих к столь ничтожному, по их меркам, учреждению как Академия наук.

Ломоносов оказался на своем месте в период начального формирования в массах, у молодых, интереса к науке, и в самый тяжелый период организационного становления учебных заведений.

Близко к этому времени, в августе 1756 года, в связи с началом Семилетней войны, из Берлина были отозваны адъюнкты С.Я. Румовский (1734–1812) и С.К. Котельников (1723–1806), в течение двух лет стажировавшиеся у Л. Эйлера в Берлинской Академии. В мае 1757 г. оттуда же прибыл в Петербург и занял должность профессора физики Ф.У.Т. Эпинус (Aepinus Franz Ulrich Teodosius, 1724–1802)[35]. В академическую жизнь, которая до тех пор неспешно текла, с появлением этих двух молодых людей в Академию вернулись безжалостные профессиональные критерии оценки работ, принятые в европейской науке. С приездом же Эпинуса эти критерии ужесточились, приобрели наступательный характер и оказались распространенными на всех. И если в стихосложении Ломоносову публично противостояли, или, во всяком случае, были близкими по рангу значимости Сумароков и Тредиаковский, то в Академии ранее высказывать какие-либо критические замечания в его адрес просто боялись, поскольку в памяти сохранялись его тяжбы с Шумахером, И.К. Таубертом (Taubert Johann Kaspar, 1711–1771) и прочими. Время взаимного всепрощенчества осталось позади. Боязнь открытой критики Ломоносова была преодолена. Напомним, что и Котельников и Румовский были взращены в Гимназии и Университете Академии, в том числе и на живом примере Ломоносова. В Академии вновь прибывшие опять столкнулись с несколько странными отношениями между Ломоносовым и профессорами. Позднее, другом Ломоносова, старейшим членом Академии Я.Я. Штелиным (Stählin Jacob von, 1709–1785) его умственный и нравственный характер были описаны в следующих словах[36]:

[35] *Новик В.К.* Франц Эпинус (краткая биографическая хроника, 1724–1802 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники.1999. № 4. С. 4–35.

[36] *Тихонравов Н.С.* Материалы для истории русской словесности... С. 25.

Умственный. Исполнен страсти к науке, стремлением к открытиям.

Нравственный. Мужиковат, с низшими и в семействе суров, желал возвыситься, **равных презирал** (выделено нами. – *В.Н.*).

Подобное отношение руководителя к «равным», полностью противоречащее научной этике Европы, стало причиной многочисленных внутренних раздоров и привело к отторжению Ломоносова активной академической средой.

Какие ожидания будили у профессоров приведенные ранее строки Поповского, обращенные к их коллеге, восседающему рядом, просто за одним столом, в очередном академическом Собрании:

> Открыл натуры храм богатым словом Россов;
> Пример их остроты в науках Ломоносов.

Оставим за скобками добродушную иронию, или, не приведи Господь, изощренное злословие. В любом случае, от руководителя, которому пелись такие дифирамбы, «равные», безусловно, были вправе ожидать каких-то научных откровений. И чему же они оказались свидетелями, какие утверждения им пришлось обсуждать?

В XX в. оценки научных деяний Ломоносова постепенно претерпели переход от спонтанной или предписанной восторженности к трезвым суждениям. Эти суждения привели к согласию результаты творений с особенностями биографии, с возможностями эпохи, социальной обстановки в России и общим состоянием науки.

П.Л. Капица объективно, без унижающего снисхождения охарактеризовал научную деятельность Ломоносова, указав: «ничто так не поучительно, как заблуждения гения»[37] об отрицании Ломоносовым понятия массы по Ньютону. Так последуем же и далее призыву нобелевского лауреата.

Середина 50-х гг. XVIII в. была периодом, когда одаренные любители наук должны были уступить место уже появившимся подготовленным профессионалам.

Принципиальным отличием последних было стремление описать изучаемое явление в аналитической форме. Учесть типы и характер взаимодействий, предсказать их развитие позволяет только такой подход. Иными словами, различные области естественных наук подошли к созданию моделей и теории явлений. Восхождение на этот уровень требовало, конечно, основательной математической подготовки. Ломоносов, да и многие зарубежные ученые, очутившись на переломе в развитии науки, оказались не в состоянии перейти эту черту. В Императорской Академии новое поколение поначалу олицетворяла названная тройка.

Напомним вкратце отдельные эпизоды возникшего противостояния, затронув предложения, вынесенные лично Ломоносовым на суждение Конференции. Только по ним складывалось мнение академиков о научном лице Ломоносова, его прозорливые догадки, рассыпанные по черновикам, были Академии неведомы. Перечисленные эпизоды многократно рассматривались в литературе.

Ломоносов предлагает конструкцию «ночезрительной трубы», эффективность которой тут же опровергается профессорами астрономии Н.И. Поповым (1720–1782) и А. Гришовым (Grischow Augustin Nathanael, 1726–1760). Он обращается к Ф.У.Т. Эпинусу с просьбой помочь доработать такую трубу, «которая увеличивала бы степень яркости [объекта] выше естественной». Тот терпеливо разъясняет: «...это лежит за пределами возможности оптики»[38]. Автор цитируемой статьи С.И. Вавилов соглашается, естественно, с Эпинусом. Ему ли было не понять абсурдность идеи, но через год после победоносной войны требовалось и в науке подтвердить историческое преимущество русского перед немцем. И Сергей Иванович мастерски выходит из затруднения, привлекая неведомые в XVIII в. адаптационные свойства глаза. Надеюсь, читатель, Вы не осудите Президента АН СССР за этот маневр?

Летом 1764 г. в связи с подготовкой экспедиции Чичагова обострился интерес к способам определения долготы. И 20 августа Ломоносов предлагает вниманию ученого европейского сообщества задачу на премию Императорской Академии о нахождении долготы по наклонению магнитной стрелки[39]. Для мореплавателей, использующих компас, было очевидным отсутствие какой-либо связи между наклонением стрелки и долготой.

---

[37] *Капица П.Л.* Ломоносов и мировая наука // Ломоносов: сборник статей и материалов. Л., 1965. Т. VI. С. 21.

[38] *Вавилов С.И.* Ночезрительная труба М.В. Ломоносова // Ломоносов: сб. статей и материалов. М.; Л., 1946. С. 92.

[39] Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук .... С. 523.

Нетрудно представить издевки иностранных коллег, если такая задача была бы провозглашена от лица Академии. Но уже через день предложение было дезавуировано Эпинусом.

Личной трагедией Ломоносова, приблизившей кончину, стал крах его гравитационной модели Земли. Много лет он посвятил наблюдениям за колебаниями созданного им «центроскопического» маятника и в итоге предложил 24 августа 1764 г. представить в Публичном собрании выношенную модель[40]. Авторитетом и именем Академии должны были быть поддержаны и вынесены во внешний мир следующие утверждения («...центроскопические разные инструменты, коими доказывается): 1) что шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется; 2) что тягость тел не постоянна и всечасно переменяется; 3) от сих действий происходит движение Земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуду ж много зависит. Сие доказывается многими тысячами метеорологических и новых центрических наблюдений, кои советник Ломоносов начал 1759 года и поныне продолжает»[41].

Академия не могла допустить такого посягательства дилетанта на фундаментальнейшие представления. Публичное заявление подобного рода не только запятнало бы честь Академии, но и поставило бы под сомнение в научном мире компетентность всех ее членов, допустивших выступление. Смириться с этим было невозможно, поскольку сохранение собственного научного достоинства, самоуважения, ответственности и заботы об уважительном стороннем мнении воспитывались у западных ученых с начала их карьеры. Обсуждение причин этой коллизии дано П.Л. Капицей[42], куда мы и отсылаем читателя.

Так зарождалась и созревала драма Ломоносова, драма мучительной переоценки собственной исключительности. Мизансцены драмы развивались в серии корректных, но уничижительных по сути дискуссий, объективно доказывающих его неправоту. Ревность к чужим успехам, нетерпимость к чужому мнению, в том числе формально подчиненного бывшего ученика, выливалась в защитную жалящую риторику, которая никогда не заменяет профессионализма. Нельзя, в прочем, не отметить, что накал полемики оказался поучительным и для неучаствовавших в ней.

Вспомним, однако, о начальных абзацах этого параграфа. Вспомним о годах (1729–1735 гг.) обучения Ломоносова в семинарии, когда его молодой, ни на что не отвлекающийся ум, жадно впитывал латинский, греческий, «славенский» языки, латинскую и русскую поэзию, риторику и философию. Последняя же преобладала и в лекциях Вольфа в Марбурге, где Ломоносов провел три года. Именно в этот период он увлеченно занимался приемами и лексикой «немецкаго стихотворства»: «Многих знатнейших стихотворцев вытвердил наизусть. По тамошним ямбам, хореям и дактилям начал размерять стопы (слоги. – *В.Н.*) и в русских стихах, со всем новым образом, несравненно глажее и согласнее прежних в чтении»[43]. Как видим, лучшие годы своей вольной страсти к познанию Ломоносов отдал гуманитарным наукам. Это и стало истоком его успешных деяний именно в гуманитарной сфере – филологии, истории, социологии. Он безупречен и великолепен в своей «Риторике» и «Русской грамматике», претерпевшей 14 изданий. Первоначальное образование оставляет пожизненный отпечаток на способах мышления человека, и выход за его рамки требует неотступных, целенаправленных усилий. Потому неслучайно даже в письменной полемике и научных статьях Ломоносов оставался рабом стиля художественного произведения. Формулировкам закономерностей естества чужды красоты риторики, они сухи. Главное в этих формулировках – суть утверждения при весьма желательной немногословности.

Историки объяснили столкновение «завистников» и «недоброхотов» с Ломоносовым засильем немцев и их клевретов. Ситуация же сводилась к противостоянию вышколенных профессионалов со своими понятиями о научной этике и первого поколения русских в науке. Они еще не достигли нужного профессионализма, должного для европейско-

[40] Там же. С. 525.

[41] *Карпеев Э.П.* Центроскопический маятник М.В. Ломоносова / Памятники науки и техники: М., 1985 (вып. 1986 г.). С. 9.

[42] *Капица П.Л.* Ломоносов и мировая наука... С. 21, 22.

[43] *Ломоносов М.В.* Полное Собрание СОЧИНЕНИЙ Михайла Васильевича ЛОМОНОСОВА... С. VIII.

го уровня. Но они были первыми и В.Е. Ададуров (1709–1780), и Ломоносов, и С.П. Крашенинников (1711–1755), и Н.И. Попов. Для истории науки в России важен сам факт появления этих имен. Их научные заслуги для истории вторичны. Их тщания пробудили биение отечественной научной мысли, поначалу не всегда удачной, но уже неувядаемой. Именно они своим примером привлекли в науку и взрастили следующие поколения соотечественников, академиков по широкому спектру специальностей [С.К. Котельников, С.Я. Румовский, А.П. Протасов (1725–1796), И.И. Лепехин (1740–1802), П.Б. Иноходцев (1743–1806), Н.Я. Озерецковский (1750–1827), и др.]. Последующие поколения, конечно, превосходили своих предшественников. Напомним известный случай такой преемственности: М.В. Ломоносов – С.Я. Румовский, ученый добротного европейского уровня, первый вице-президент АН, попечитель Казанского учебного округа – Н.И. Лобачевский (1792– 1856), ученый мирового уровня, сначала студент, а потом и ректор Казанского Университета. Научные традиции сформировались в России всего лишь в период жизни трех поколений!

Административная деятельность Ломоносова была объектом педантичных исследований историков. Образцово поставленное Шумахером и Таубертом делопроизводство Канцелярии Академии наук сохранило для нас сотни и сотни документов Ломоносова[44]. Знакомясь с ними, можно воочию убедиться, сколько сил оторвано им от творчества даже не на развитие, а на обеспечение текущей жизнедеятельности Академии, простого ее существования.

Деятельность любого государственного учреждения направлена на достижение целей, ради которых оно создано. Власть имущие должны, соответственно, определять эти цели и создавать условия для их реализации. В елизаветинские времена применительно к Академии наук ни о чем подобном и не помышляли. Академия рассматривалась как чисто декоративное учреждение, необходимое для реноме государства, и востребовалась сверху лишь для художественного выражения верноподданнических чувств в одах и панегириках, картинах, медалях, представлениях и фейерверках. Реже, к ней обращались коллегии по поводу разного рода экспертиз. В отличие от Лондонского Королевского Научного Общества, Парижской и Берлинской Академий она была весьма далека от запросов текущей практической жизни.

Обилие документов открывает возможность уточнить роль Ломоносова в руководстве Академией. По уставу 1747 г. предусматривались профессора астрономии, географии, анатомии, ботаники, химии, физики, механики, высшей математики, истории. Конкретная направленность их деятельности определялась ими самими, и никто не был вправе ее навязывать. Продуктивность этой деятельности была также их личным делом, и мерилом ее оставались их же собственные критерии. Периодически, профессора вместе со своими помощниками адъюнктами должны были присутствовать на общем Собрании, иначе Конференции, заслушивать представленные коллегами доклады (или сообщения) и выносить суждение об их публикации. Конференция же была обязана коллегиально обсуждать кандидатов на вакантные должности, высказывать мнение о вопросах, внесенных непременным секретарем (иностранная переписка, распоряжения Канцелярии), принимать или отклонять предлагаемые коллегами доклады. Сам непременный секретарь (эту должность с 1754 по 1765 г. занимал Г.Ф. Миллер) нес обязанность организации Конференций (извещение профессоров, рассылка для предварительного ознакомления копий докладов или распоряжений Канцелярии), ведения переписки с иностранными членами, Академиями и Университетами (поиск кандидатов на вакантные должности, пересылка изданий Академии, общая информация о деятельности Академии и ее членов), переписка с Канцелярией (официальное извещение о коллегиальном мнении Конференции по конкретным вопросам).

В каком же направлении мог приложить свои усилия Ломоносов для повышения эффективности или хотя бы оживления деятельности Академии? К сожалению, хоть и горестно об этом упоминать, в реальной обстановке он был бессилен что-либо значимо изменить. Ни государством, ни власть имущими, ни военными ведомствами, ни созревающей промышленностью феодальной России науки востребованы не были. Всех устраивал

[44] См.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 10.

статус-кво при существующей личности Президента. Изменения начались при его (Президента) удалении от дел.

Сфера возможной деятельности Ломоносова была предельно сужена. Он не мог посягать на область хозяйственной и финансовой деятельности Академии. Ими относительно эффективно управлял сначала Шумахер, а затем Тауберт. Его взаимоотношения с академическим Собранием могли проходить только через непременного секретаря посредством Указов Канцелярии. Члены Собрания умело, разумеется «извиняясь» объективными причинами, реагировали отписками на эти Указы, никак не меняя привычного ритма и направленности своей деятельности. Непременный секретарь же совершенно обосновано не считал своей обязанностью активизацию академиков. Академия зримо деградировала: даже текущие Собрания, которые по регламенту должны были происходить три раза в неделю[45], имели место с перерывом в семь и более дней, а являлись на них едва половина членов и редкие адъюнкты. И Ломоносов в беспомощности предлагает ввести вознаграждение профессорам за посещение академических собраний[46].

Его помыслы о реальном управлении научным процессом обернулись систематическим личным участием в унылой организационной текучке.

Как человек, добившийся некоего административного поста, но лишенный возможности что-либо на нем сделать, он оказался вынужденным непрерывно доказывать надобность введенной под него должности и полезность собственного в ней пребывания. Ломоносов неустанно пишет, по большей части полезные, но нереализуемые, «доношения» об улучшении состояния Академии[47], о сборе минералов[48], о печатании при Академии новых периодических изданий[49] и т.д. Академикам очевидна бесплодность его усилий. Он же объясняет ее происками других, но, будучи не в состоянии назвать проявления этих происков, заваливает Президента сообщениями об их служебных проступках. Основные мишени – Тауберт и Миллер. От его коллекций с записями прегрешений Тауберта, Миллера, Эпинуса, Румовского веет каким отчаянием изолированного одиночки.

Равнодушие елизаветинской власти к Академии препятствовало исполнению главной задачи Академии того времени – изучения собственной страны, в том числе и составления ее карты. Но подготовка географических экспедиций оставалась только личной юдолью Ломоносова, без необходимой поддержки сверху и при полном безразличии академической среды. Г.Ф. Миллер, с его богатым опытом исследования Сибири, имел все основания критически оценивать усилия и возможности Ломоносова. Совсем безжалостно эти усилия расценил Н.И. Попов: «Дух празднословия не даждь ми»[50].

Ломоносов не имел поддержки ни с чьей стороны. Талант гения оказался направлен в русло непрерывных аппаратных склок с «равными». И вызрела еще одна сторона личной драмы – сознание тщетности собственных усилий на этом академическом посту.

Повторим, что административная деятельность Ломоносова никак не могла повлиять на индивидуальную деятельность ученых, но удивительно, что яркие, практически важные результаты проходили мимо него и не находили ни внимания, ни необходимой поддержки (технологии изготовления стрелок компасов, развитые Эпинусом[51] и И.Э. Цейгером (Iohann Ernst Zeiher (1720–1784)[52], конструкция паровой машины Цейгера[53], описанной ранее машин И. Ползунова и Дж. Ватта, тех-

[45] Уставы Академии наук СССР. С. 45. П. 15.

[46] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 82

[47] Там же. С. 80.

[48] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1954. С. 353; *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1863. С. 536.

[49] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т.10. С. 924. № 399, 403, 404.

[50] *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1863. С. 462.

[51] *Эпинус Ф.У.Т.* Разсуждение о некоторых новых способах принадлежащих к поправлению магнитных стрелок и морскаго компаса // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Т. VIII. СПб., 1758. Декабрь.

[52] *Zeihero I.E.* Acus nauticae novae descripto // Novi Commentarii. T. VIII pro annis 1760 et 1761 (1763). P. 284, 285.

[53] Протоколы заседаний конференции Императорской Академии Наук. С. 497. П. 2.

нологии того же Цейгера по изготовлению стекол для ахроматических труб[54]).

В 1760 г. на Ломоносова возлагается уже единоличное руководство университетом и гимназией[55]. Его согласие на это безнадежное занятие было, безусловно, жертвой с его стороны. Если в июне 1743 г. его жалоба в Следственную комиссию завершалась фразой «...при Академии Наук не токмо настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетскаго не видно»[56], то сейчас, принимая эту ношу, он фактически обязался заново воссоздать и гимназию и университет. Но выраженный выше пессимизм имел глубинные причины – (1) неопределенность назначения этих учреждений, (2) нравы и жизненные цели обучаемых в них молодых людей. Никто не был всевластен исключить эти причины, а потому и исправление деятельности гимназии и университета не могло выйти за рамки скромных полезных нововведений. Красочное описание[57] этой деятельности приведено Д.А. Толстым, у которого мы и заимствуем излагаемые факты.

Гимназия и Университет были созданы вскоре после образования Академии наук с общей целью подготовки для нее сотрудников. Гимназия рассматривалась как средняя школа, дающая необходимые знания для поступления в высшую – Университет. При этом никто не конкретизировал ответы на очевидные вопросы: кого учить, кому учить, чему учить, как и с какой целью учить?

Гимназия (школа) как часть Университета подпадала под сословные ограничения принимаемых в университет (п. 41-й устава): «Принимать в Университет из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушной оклад, а ежели такие найдутся принятые прежде (т.е. до 1747 г. – *В.Н.*) и обучившиеся в Академии, таких удержать при Академии в службе». От приема в Гимназию этим условием отсекалась масса детей из семей купцов, мещан, разночинцев и ремесленников. Гимназия оставалась достижимой лишь для детей дворян, чиновников и военнослужащих. Но дворянство, офицерство и чиновничество выбирали для своих сыновей надежный путь личной карьеры и отправляли их в Шляхетский кадетский корпус, расположенный тут же, на Васильевском острове. Академическая гимназия могла привлечь учащихся только из семей мелкого чиновничества, унтер-офицеров и солдат, т.е. низших слоев городского общества. Но даже такой источник оказывался крайне ограничен. В указанный период Гимназия располагалась в бывшем Троицком подворье на 15-й линии. Ежедневное посещение Гимназии было доступно учащимся, проживающим всего лишь вблизи Большого проспекта, а в темное осеннее и зимнее время затруднено и для них.

Ломоносов, получив в свое полное подчинение Гимназию, сразу же перевел казеннокоштных учеников на пансион. По его настоянию было практически удвоено денежное содержание учеников. На эти средства, ранее выдававшиеся гимназистам на руки и изымавшиеся родителями, он организовал проживание, питание, обеспечение одеждой и обувью первоначально сорока, а позднее и шестидесяти воспитанников. Заботливое создание такого полуказарменного режима не решало, тем не менее, главного – организации учебного процесса. Надо всем довлела необходимость пополнения численности учеников. В Гимназию при восьмилетнем сроке обучения принимали учеников от 6 до 25 лет, принимали в любое время учебного года, с самым разным уровнем начального образования, чаще без онаго, при том, что в ней, как объявил Канцелярии в 1763 г. инспектор Гимназии и академик С.К. Котельников, «...таких классов, где бы обучали российской грамоте не имеется». Зачастую в старшие классы Гимназии переводили студентов или для заполнения классов, или по необходимости приобрести знания по некоторым предметам. В условиях откровенной мешанины никто и не пытался настаивать на единых программах по перечню изучаемых дисциплин. Под крышу гимназии были, естественно, перенесены все семейные пороки. Шальное, буйное гимназическое племя принесло в аудитории, общежитие и трапезную нравы и традиции собственных родителей, т.е. пьянство, драки, лень и беспутство. Публичная

[54] Санктпетербургские ведомости. 1763. Июль, 4. № 53.

[55] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 855. Примечания.

[56] *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская Академия Наук. С. 20–23.

[57] См.: *Толстой Д.А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885.

порка розгами и карцер являлись штатными мерами воспитания. К отчислению же дозволялось прибегнуть только в вопиющих случаях.

В столице, как и в России, еще не бытовало учителей как некоего профессионального клана. Их с трудом могли отыскать даже для Кадетского корпуса, находящегося под Высочайшим покровительством. Гимназии же оставалось принимать на эти должности недоучившихся студентов, осознавших непостижимость университетского образования и не нашедших лучшей доли. Мораль большей части из них, если и отличалась от нравов гимназистов, то только в худшую сторону. О результатах обучения можно только скорбеть. Так, по результатам экзамена в августе 1764 г. казеннокоштных учеников из 13 учеников низшего класса переведено было в средний только трое, а из 10 учеников среднего – переведен в старший только один. Большинство учеников, в силу своего общественного положения, вовсе не предназначали себя к среднему и уж подавно к высшему образованию. Однако Ломоносов имел все основания гордиться успехом, поскольку если за семь лет до поручения ему Гимназии «не было произведено из Гимназии в университетские студенты ни единаго человека», то за семь лет (1758–1765 гг.) его единоличного руководства учебной частью Академии в студенты было произведено 22 гимназиста. Что же их ждало в Университете?

Академический университет вряд ли можно было бы назвать высшим учебным заведением в современном смысле. По сохранившимся сведениям в нем насчитывалось в 1752 г. – 20, в 1753 – 18, в 1757 – 18 и в 1758 г. – 16 студентов, т.е. их среднее число не превышало двадцати. Лекции студентам не читались годами. Когда в 1757 г. Президент потребовал прекратить эту практику, Канцелярия предписала инспектору университета: «А чтоб студенты к оным профессорам на лекции хождение имели, в том их понуждать». Причины откровенного равнодушия к своей судьбе просты. Лишь немногие из студентов представляли свое будущее. Еще меньшее число, единицы, связывали его с наукой. Государство не востребовало этих относительно образованных людей. Чинов по табели о рангах Университет не давал, и студенты по окончании могли рассчитывать лишь на должности переводчиков и переписчиков в штате Академии или коллегий.

Студенты проживали в доме вместе с гимназистами, были одеты и обуты за казенный счет и получали денежный оклад 100 рублей в год. Сумма недостаточная для содержания семьи, но вполне сносная для разгульной жизни, в чем они и преуспевали. Канцелярия неоднократно пыталась навязать студентам казарменный режим. В общежитии был установлен солдатский пост, препятствующий выходу студентов. Инспектор обязан был по ночам проверять их присутствие в покоях, ибо «студенты по ночам гуляют и пьянствуют, и в подозрительные домы ходят, и оттого опасныя болезни получают, и учение свое тем оставляют..». Взаимоотношения администрации и студентов полно характеризует кодекс наказаний за проступки, в котором рядовая воспитательная мера – неделя карцера на хлебе и воде. Предоставим читателю самому судить, был ли этот кодекс неоправданно жестоким[58].

Какой же преподавательский состав был обязан обучать столь неординарный контингент?

Устав 1747 г. возлагал эту обязанность на пять университетских профессоров, с вполне достойным окладом 660 руб. (оклад академика – 860 руб.). Найти желающих взойти на Голгофу, однако, не удавалось, и Ломоносов активно понуждал к подвигу адъюнктов и академиков. Последние всячески уклонялись, оправдываясь отсутствием в контракте этих обязанностей и неопределенностью предназначения студентов (факультетское деление не предполагалось, а специализация переносилась на обучение в зарубежных университетах), требуя, как писал академик Эпинус, «...дать мне таких студентов, о которых доподлинно известно, что мой труд при наставлении их не тщетен будет»[59]. Ответа не последовало, взаимная неприязнь усугубилась.

В 1758 г. Президент поручил Ломоносову подготовить уставы (регламенты) Гимназии и Университета, а в 1759 г. тот уже вручил проекты академической комиссии. В проекты он внес принципиальное положение о допущении в Университет и Гимназию лиц, записанных в подушный оклад и,

[58] *Барков И.С.* Полное собрание стихотворений. СПб., 2004. С. 16–20.

[59] *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. С. 388.

предвидя рост числа учащихся и студентов, увеличил численность их на казенном коште соответственно до 60 и 30 человек. В регламенте он также предусмотрел важнейшее нововведение для студентов, окончивших курс обучения – присвоение чинов по табели о рангах: магистрам – чина поручика, докторам – чина капитана[60]. Эти первые шаги в правах по службе открывали бы выпускникам путь к должностной карьере. Регламент учитывал и привлечение преподавательского состава. В нем для профессоров предполагались «...пристойныя ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы». К сожалению, сначала болезни, а затем и кончина Императрицы Елизаветы, похоронили как этот проект регламента, так и упования на реорганизацию учебных заведений при Академии. Тем не менее, данным ему административным правом он сумел настоять и выхлопотать полуторное увеличение суммы, отпускаемой на Гимназию и Университет, а в 1764 г. дом, купленный на доходы Академии, был его усилиями передан этим учебным заведениям.

В самую главную сферу, учебную деятельность Университета, Ломоносов не внес, да и не мог внести, существенных улучшений. Разделение им Университета на три факультета (юридический, медицинский и философский) при 18-ти, преимущественно из солдатских детей, студентах и пяти лекторах, из принужденных к тому академиков и адъюнктов, вызывало в Академии откровенную иронию. Университет был обречен на угасание, поскольку оставался доступен лишь узкому, в основном невежественному, слою населения, а образование еще не стало потребностью даже столичного дворянства. Трудно было бы назвать Университет существующим по кончине Ломоносова. В ноябре 1765 г. в нем насчитывалось всего 9 студентов.

При всех печальных реалиях Академический Университет все-таки исполнил свое предназначение. В течение нескольких десятилетий он оставался для России единственной школой научных кадров. Именно в нем начал путь в науку первый десяток русских академиков.

Во множестве документов архива Ломоносова сохранились его резкие высказывания, позднее интерпретированные как противостояние в Академии «русского» «немцам». Наиболее яростно этот акцент на «недоброхотах – инородцах – немцах» выражен у В.И. Ламанского. Простим ему излишнюю запальчивость и постараемся уточнить, были ли эти высказывания направлены против «немцев» как таковых, т.е. несли национальную окраску, или против отдельных личностей. Первое следует сразу же отвергнуть, так как и супруга Ломоносова, и ближайшие друзья академики Рихман, Браун, Штелин имели отнюдь не славянские корни. Строгая избирательность личной направленности отличала высказывания Ломоносова. Они сосредоточены на малом числе видных лиц Академии, так или иначе высказавшихся против его мнения – Тауберт, Миллер, Шлецер, Эпинус. Все эти фигуры оставили след в истории Академии и даже России. И.К. Тауберт создал типографские мощности и опытное производство Академии, насытив его русскими мастеровыми высочайшей квалификации. Г.Ф. Миллер – подарил потомкам в своих «портфелях» XVIII в. Его 300-летие со дня рождения широко и разносторонне отмечалось в 2005 году. А.Л. Шлецер – составил и напечатал бесценный «Свод Нестора», за что и был удостоен российского дворянства, с изображением Нестора на гербе. Ф.У.Т. Эпинус – уже при жизни классик науки об электричестве. По его плану и при участии создана в России государственная система освещения, до недавних пор лучшая в мире.

Автору неизвестны высказывания названых или других членов Академии о Ломоносове после его кончины. Его имя исчезло из взаимной переписки, где оно часто фигурировало до этого события. Академики придерживались вечного: De mortius aut bene, aut nihil – О мертвых или хорошо, или ничего. Многозначительное умолчание!

В маленькой, «островной» Академии в пределах клановых интересов все друг о друге знали все. Академики судили по известным им делам, а не намерениям, даже изложенным ясным слогом. Они видели личность, отстранившуюся от других, душевно одинокую[61], неприятную в общении, непрерывно метущуюся, разрывающуюся между поэтическим и драматическим творчеством, научной,

[60] Там же. С. 410, 411.

[61] *Карпеев Э.П.* Ессе Номо (опыт создания психологического портрета М.В Ломоносова) // Ломоносов: краткий энциклопедический словарь / под ред. Э.П. Карпеева. СПб. 1999. С. 248–258.

административной и предпринимательской[62] деятельностью, далеко не всегда успешной. Он ушел, и интерес к нему угас. Лишь через десятилетия сначала друг Ломоносова Я.Я. Штелин, а позднее (1800 г.) оппонент и соперник А.Л. Шлецер[63] независимо написали о Ломоносове в своих воспоминаниях. В оценке личностных свойств Ломоносова они едины. Но только Шлецер рискнул охарактеризовать его научную деятельность: «Ломоносов был действительный гений... Он создал новое русское стихотворство, и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность. Благодарное Отечество наградило его; его клиенты, которые пользовались его положением для своего преуспеяния, боготворили его и пели: «Вергилий и Цицерон соединились в холмогорце». Это испортило его. Его тщеславие превратилось в варварскую гордость, которая всем, особенно его подчиненным, сделалась невыносимою. Это высокое о себе мнение увлекло его к занятиям самыми разнородными предметами. Если бы он остановился на своих немногих предметах, он, вероятно, был бы в них велик; но он даже в них остался посредственностью, и все-таки почитал себя во всем величайшим...».

Высказанное Шлецером мнение (см. ниже, в № 2, журнала раздел «Образ национального героя, поэта-патриота»), вполне объективно можно считать мнением академиков. Оно, конечно, несет печать личных отношений и стеснено рамками учреждения. Тема общественной значимости Ломоносова в нем отсутствует полностью. Чужда была эта тема академическому клану.

Описанные жизненные коллизии оставались известны лишь в узком кругу десятка академических персон и неведомы обществу, в том числе почитателям Ломоносова. Да никого они и не интересовали. Для России Ломоносов был значим прежде всего в другой, более важной категории, чем наука.

(Продолжение следует...)

© Новик В.К., 2011

[62] Материалы о фабрике Ломоносова в Усть-Рудицах. Ред. текстов и предисл. М.Ф. Злотникова //Ломоносов: сб. статей и материалов. Т. I. С. 117-170. С. 125 (о тяжелейшем финансовом положении фабрики).

[63] *Шлецер А.Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная / пер. с нем. В. Кеневича // Сб. Отд. русс. яз. и слов. Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 199, 200.